

Олена Талалай

ДА ЗДРАВСТВУЕТ КОШМАР

Роман

Олена Талалай

Да здравствует кошмар. Роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40220539

ISBN 9785449611024

Аннотация

Приключения семьи, волей случая оказавшейся во времена «лихих 90-х» на территории Украины. Трудности и противоречия реальной жизни повергают героя в бездну ночных кошмаров. Чтобы справиться с ними, он учится контролировать свои сны. С тех пор его жизнь протекает параллельно в двух измерениях: в Реальности и во Сне. Он постоянно попадает в сложные ситуации: порой смешные, порой трагические... Но ни одна из них не оставит читателя равнодушным.

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	10
ГЛАВА 3	16
ГЛАВА 4	20
ГЛАВА 5	25
ГЛАВА 6	28
ГЛАВА 7	33
ГЛАВА 8	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Да здравствует кошмар Роман

Олена Талалай

© Олена Талалай, 2019

ISBN 978-5-4496-1102-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА 1

Я тупо смотрел на красный «Мерседес», стоящий в моей комнате, и пытался понять: что это – воплощение моих грез или начало нового кошмара? Вообще-то кошмары начались гораздо раньше, с того дня, когда нам на окна поставили решетки.

«Вот и пополнение в городском зоопарке!» – сказала тогда мама. По ее словам, наш город превратился в зоопарк: гуляешь по тенистым улицам, а вдоль них – зарешеченные окна-клетки, где живут опасные хищники или тупые жвачные животные.

А папа сказал, что в клетке – не мы, а те, кто снаружи, и пока мы дома – мы в безопасности, а выходя из квартиры, попадаем в вольер с чудовищами.

Появлением на окнах решеток мы были обязаны дяде Боре, папиному шефу, который решил превратить одну из комнат нашей квартиры в склад готовой продукции.

Я лежал и смотрел на изумрудный глянец листвы, выхваченный из темноты призрачным светом уличного фонаря, и пытался не замечать решетку, навсегда отделившую меня

от этого таинственного великолепия ночи. Было грустно, и, чтобы совсем не раскиснуть, я представил себе комичное чудовище, похожее на дядю Борю, заглядывающее в мое окно. Сначала получилась добродушная лупоглазая жаба, которую я для большего сходства украсил очками. Но по мере того, как я придавал ее облику черты дяди Бори, образ становился все более зловещим и отталкивающим. Рот сложился в холодную жесткую складку, живот подобрался, она вся как-то сгруппировалась, будто перед прыжком, а взгляд темных плотоядных глаз, увеличенных мощными линзами очков, сфокусировался на мне.

Стало не по себе. Я встал и задернул шторы. Прислушался: родители, видимо, уснули. Я лег, закрыл глаза и попытался думать о чем-нибудь приятном... Не получалось. Все, что приходило мне в голову, так или иначе ассоциировалось с клеткой.

Я забиваю гол в ворота на дворовой площадке. Но ворота без сетки, и мяч летит прямо в грязь. Ворота без сетки. Сетка, клетка, окно... Мы с мамой идем в кондитерскую, открываем дверь и натыкаемся на решетку. За решеткой хихикают пухлые продавщицы-подушечки: «Переучет! Переучет!» Наверное, это то, что называют навязчивой идеей. Я устал, я хочу уснуть. Глаза слипаются, и кажется, что желанный сон вот-вот придет... И тут возникает этот звук. Негромкое,

но назойливое царапанье, как будто чем-то твердым скребут стену под окошком...

Я встал с дивана, подошел к окну и отдернул штору. Никого. И звук прекратился. Наш первый этаж – довольно низкий, и если бы на улице рядом с окном стоял взрослый человек, я бы увидел, как минимум, его голову. Наверное, маленький «беспризорник», их теперь много.

– Эй, малый, ты где? – тихо позвал я.

Ни звука в ответ. Было что-то неестественное в этой тишине. Чего-то не хватало... И вдруг я понял: кузнечики, не слышно было треска кузнечиков... В четырнадцать лет стыдно прибегать ночью в комнату родителей. Но мне отчаянно этого захотелось, я повернулся, чтобы опрометью броситься в смежную комнату, и вдруг сзади кто-то схватил меня за воротник футболки и дернул с такой силой, что я ударился спиной об оконную решетку. Я почувствовал слабость в ногах и полную неспособность сопротивляться. Меня тянули назад, воротник врезался мне в шею и душил. Я закричал, но вышло какое-то невнятное мычание, и я проснулся.

Мирно стрекотали кузнечики, шторы были задернуты... «Нет, я не боюсь, – сказал я сам себе. – Просто зайду к родителям попить воды, ну и посижу там немного». Я встал,

подошел к двери, взялся за ручку, потянул... Дверь не поддавалась. Я дернул сильнее – никакого эффекта... Хотел позвать маму, но чья-то рука легла на мое плечо, и я похолодел. Из горла вырвалось только: «М – ммм!» Рука поползла вверх по моей шее, коснулась щеки...

«Ив! Ив! Проснись!» – услышал я мамин голос и на этот раз проснулся по —настоящему. Мама сидела рядом со мной на краешке дивана и гладила меня по щеке. Лицо у нее было сонное и озабоченное.

– Ты кричал.

– Мне приснился кошмар.

– Это потому, что ты спал на спине. Повернись на бок – и плохой сон уйдет. Ты забыл, чему я тебя учила, когда ты был маленьким?

– Забыл, – соврал я, держась за ее руку.

Конечно же я помнил все ее сказочные истории и волшебные заклинания, просто я хотел, чтобы она сидела рядом и говорила. Все равно о чем.

– Нужно повернуться на правый бок, – она потянула меня за плечо. – Вот так. Эту руку согнуть, глаза закрыть и мысленно сказать: «Мне купили красный шар, улетай скорей, кошмар». А потом считай красные шары.

- Может, у тебя и «пустышка» припрятана?
- Не уверена, но могу поискать.
- Давай отложим до завтра.
- Хорошо, – она чмокнула меня в нос, – спи, дурачок.

Но я так и не уснул. Страх прошел, но спать уже не хотелось. Я встал, осторожно прошел через «гостиную», где спали родители, и зашел в третью, изолированную, комнату. Зажег свет.

Здесь, как в пещере Али-Бабы, отливали золотом ящики с дверными ручками,

оконными защелками и прочей «фурнитурой», которую мама пренебрежительно называла «висюльками». Рядом с ящиками, подобно мешкам с золотыми монетами на палубе испанского галеона, красовались гигантские полиэтиленовые пакеты с блестящими пуговицами. В больших картонных коробках хранились «тонирующая» посуда и зеркала. Венчали эту гору сокровищ кусты чертополоха и букеты колосьев-мутантов, которые мирно сохли, ожидая своего превращения в «предметы роскоши».

Позади этих «золотых россыпей» возвышался холодильник, не вписавшийся в габариты нашей кухни. Он-то и был целью моей ночной вылазки. Я достал себе бутылочку лимонада и уселся на ящик с «висюльками».

ГЛАВА 2

На папиной визитной карточке значилось: «Начальник производственного участка». Но на самом деле ему приходилось также выполнять обязанности грузчика, завхоза, курьера, сторожа, продавца, казначея (по обстоятельствам).

– Вова! Загремишь с конфискацией! – причитала мама, когда к нам заносили ящики с фурнитурой.

– А что у нас можно конфисковать? – отмахнулся папа. – Твои краски?! Ну, и двери, конечно, расписные снимут, как я не подумал! Этого я не переживу.

Папа умел быть непреклонным, когда хотел. Это бывало редко, но уж если случалось, ни доводы, ни просьбы его переубедить не могли.

Мама работала в «Артели народного творчества». Там они, по словам папы, развлекались кто во что горазд: рисовали, лепили, вышивали, плели макраме, – и им еще деньги за это платили. Мама расписывала неправдоподобными цветами, ягодами и птицами шкатулки и подносы. Она работала «под заказ», и когда заказов не было, по несколько дней сидела дома. Тогда она становилась «сама не своя» и начинала расписывать что попало. Первыми пострадали наши двери.

- Это что? – спросил папа, вернувшись вечером с работы.
- Райский сад.
- На фоне рваных обоев – это круто.

Обои в прихожей были самым жутким образом разодраны котом. Кот не вернулся после очередного загула, а обои остались как напоминание маме о том, что нельзя тащить в дом все, что шевелится.

Украсив все двери цветущими помидорными кустами, мама взялась за кухонный шкаф, холодильник... В ванной на зеркале появились крабы и золотые рыбки, а на сливном бачке над унитазом – весьма реалистично изображенный черный таракан. Этого папа уже не выдержал.

– Надеюсь, ты пощадишь экран телевизора, – сказал он, оттирая таракана растворителем.

Но когда мама начала в комнате на полу рисовать ковер, папа пришел в ярость:

– Хватит! Если ты не хочешь, чтобы наш сын рос сиротой, остановись!

Иначе, когда меня придут «заметать с конфискацией», тебя упекут в дурдом!

– Я уже в нем, – мрачно ответила мама, но с тех пор рисовала только на бумаге.

Вообще, рисование было практически единственным маминым занятием. Телевизор она ненавидела, а все имеющиеся в доме книги были ею уже прочитаны. Уборку она делала раз в месяц. Из мировой кулинарной сокровищницы она выбирала блюда, приготовление которых не занимало много времени. Она презирала женщин, которые варили борщ и лепили вареники. В нашем холодильнике было, как говорят, или густо – или пусто. Сегодня – импортное пиво, завтра – талая вода. В кухонном шкафу мама хранила сухари «на черный день». И, честно говоря, такие «черные дни» бывали, потому что зарплату моим родителям выплачивали от случая к случаю, хотя и довольно солидную.

Когда я был маленьким, мама рисовала мне сказки. Она на ходу придумывала забавные волшебные истории, главным героем которых был я сам, и, рассказывая их, быстро рисовала фломастером смешные картинки. Мой художественный вкус был далек от совершенства, черно-белые рисунки казались мне незаконченными, и я с наслаждением раскрашивал их цветными карандашами. После этого их можно было только выбросить... Как я жалею о том, что не сохранил их!

А папа из всех видов изобразительного искусства пред-

почитал фотографию. А из всех фотомоделей – маму. Ну, и меня, разумеется. Потому что с тех пор, как появился я, мама сама по себе уже не фотографировалась, только со мной. Глядя на наши фотографии, можно было подумать, что на них – одна и та же девушка с разными мальчиками. Я рос, а мама не менялась. И в тридцать шесть лет она оставалась все той же красавицей Никой, которая поразила воображение простого студента, или, как папа сам себя тогда называл, Вовки-Морковки.

Ника Яковлевна, дочь литовки и еврея, и Владимир Иванович, сын армянки и белоруса, как легендарные свинарка и пастух, встретились в Москве, куда они вырвались из-под родительского крыла, чтобы вкусить свободы и заодно получить высшее образование. Мама изучала историю искусства, а папа – вакуумные установки. Впервые они увидели друг друга возле Театра Сатиры. Мама искала «лишний билетик», и папа отдал ей свой. Просто так отдал, даже не спросил, как зовут. И мама в сопровождении папиных однокурсников пошла смотреть спектакль, а папа вернулся в общежитие. А на следующий день она сама разыскала папу и через месяц они поженились.

В Днепропетровск они приехали по папиному распределению. Он получил направление на машиностроительный завод, а мама – «свободный» диплом, потому что была бере-

менна. Дедушка Яков, овдовевший в тот самый день, когда появилась на свет его малышка Ника, больше всего боялся, что ее постигнет участь матери.

Он приехал из Клайпеды за три недели до моего рождения, договорился о месте в самом лучшем роддоме, нашел опытного хирурга, чтобы тот сделал маме кесарево сечение, но в процессе этой бурной деятельности дедушка так разволновался, что сам угодил в больницу с обострением язвы желудка.

Тем временем мне, очевидно, стало скучно дожидаться своего срока появления на свет, в результате чего схватки у мамы начались прямо на улице, «Скорая помощь» отвезла ее в ближайший роддом, и она благополучно меня родила без хирургического вмешательства. Когда дедушку прооперировали и выпустили из больницы, я, крикливый розовый червячок с соской, уже обосновался в заводском общежитии. И тогда мой дедушка Яков показал, что скромный советский ювелир в умении творить чудеса не уступит Дэвиду Копперфильду. Благодаря магии денег мои родители в течение всего нескольких дней стали владельцами трехкомнатной кооперативной квартиры в центре города. Они были совершенно счастливы и право выбрать мне имя предоставили дедушке. И он их опять удивил:

– Назовите его Иваном.

- Почему? – поинтересовалась мама, она предчувствовала, что это будет нечто экзотическое, но не славянское.
- Чтобы никто не догадался, что он – еврей.
- А он – еврей? – развеселился папа.
- А кто же еще? – удивился дедушка. – Но об этом никто не должен знать.

Папа любил пересказывать этот разговор, как застольный анекдот, и неизменно заканчивал тем, что похлопывал меня по спине и говорил: «Раз ты родился на Украине, значит – украинец!» Я не понимал, что это – шутка, и долгое время считал, что национальность определяется по месту рождения: родился в Англии – англичанин, в Африке – африканец.

ГЛАВА 3

Когда мне исполнилось пять лет, мама пошла работать в библиотеку, а меня отдали в детский сад. Тут-то и началось мое политическое воспитание. До сих пор мама рисовала мне зайчиков и белочек, ради которых я совершал небывалые подвиги, спасая их от огнедышащих драконов, клыкастых осьминогов и прочих монстров. Мама объяснила мне, что Земля – круглая и вращается вокруг Солнца, но как-то забыла рассказать, что наша Родина – Советский Союз, столица нашей Родины – Москва, а самый замечательный на свете человек – дедушка Ленин. Походив какое-то время в детский сад, я проникся «коммунистическими идеями» и по вечерам с упоением декламировал папе и маме стихи о Красном знамени, Красной площади и Красных звездах.

– Ничего удивительного, – говорил по этому поводу папа, – красный всегда был его любимым цветом.

– Зря я повесила в его комнате красный абажур, – сокрушалась мама.

– Да, подсознание еще сыграет с ним злую шутку... Женится, к примеру, на первой встречной только потому, что на ней было красное платье...

– Зато никто не заподозрит нас в антисоветизме.

Чтобы как-то отвлечь меня от «кремлевских проблем», мама принесла с работы стопку книжек с замечательными сказками и картинками. Первая же сказка, которую прочитала мне мама, открыла мне истинную цель моей жизни. Я не помню, как она называлась, и кто ее написал. Рассказывалось в ней о том, как некий злодей с помощью порошка, приготовленного из сухих сорняков, оживлял деревянных солдат. Я долго размышлял о смысле прочитанного и, наконец, торжественно сообщил своим родителям:

– Я решил, кем стану, когда вырасту.

Родители поняли серьезность момента и сделали внимательные лица.

– Я буду изобретателем. Я изобрету оживительный порошок, чтобы оживить Ленина.

К моему удивлению, родители не выразили восторга, и, чтобы они все же обрадовались, я добавил:

– И вас, конечно, оживлю, если вы вдруг умрете.

Ужастиков по телевизору тогда еще не показывали, и родители не были морально готовы к такому заявлению, но папа сказал все-таки:

– Спасибо, сынок.

Папа никогда не вызывал у меня особого беспокойства, он был огромным и несокрушимым, как скала. А вот за маму я боялся. Она была похожа на огненную лилию на длинном тонком стебле, прекрасную королевскую лилию с тяжелым венцом золотисто-рыжих волос и глазами, светящимися, как темный янтарь. Если ее не было рядом, меня почти постоянно мучил страх ее потерять.

Однажды я увидел из окна похороны во дворе и мертвое тело в гробу. Ничего более страшного я раньше не видел. Я спросил у мамы, куда уносили «неживого дедушку», и почему его нельзя оставить дома. И мама объяснила мне...

В ту ночь мне снилась мама, лежащая в гробу, неподвижная и немая. Я плакал, тряс ее за плечи и кричал: «Мама, вставай! Мама, вставай!» Пробуждение не принесло облегчения. Мысли о маминой смерти продолжали меня преследовать и наяву. Только мне казалось, что если она умрет, ее тело не будет разлагаться, как это происходит с другими людьми, а просто высохнет, как цветок, заложенный между страницами книги.

Мысль о создании «оживительного порошка» стала моим

спасением. И вот, в пять лет, когда я принял решение победить смерть, страх перед ней ушел навсегда.

ГЛАВА 4

Мой первый день в школе был испорчен почти с самого начала. Во время торжественной «линейки» мамы моих одноклассников перешептывались за моей спиной, называя меня второгодником. Одна из них неосторожно спросила у моей мамы, сколько лет я просидел в первом классе.

– Моему сыну семь лет, – холодно ответила мама..

– Не может быть! Он же на голову выше моего Славика! – не унималась та.

– А не надо было трахаться с пигмеем.

– Хамка! – нервно пискнула дамочка.

После этого к маме больше никто не приставал.

Первая перемена напоминала инсценировку басни «Слон и Моська», только мосек было гораздо больше, чем у Крылова. Они скакали вокруг меня и кричали: «Иванушка-дурачок! Иванушка-дурачок!» Крылова я тогда еще не читал и не знал, как подобает слону вести себя в такой ситуации. Я бросился на них, но они разбежались в разные стороны, и я не поймал ни одного. С таким же успехом я мог бы ловить рыбу в реке руками. «Моськам» так понравилась эта забава, что на следующей перемене повторилось то же самое, и до-

мой я пришел совершенно несчастный. Вечером, во время праздничного чаепития, я заявил родителям:

– Я не хочу быть Иванушкой. Придумайте мне другое имя, – и рассказал родителям обо всем, что случилось в школе.

– Зачем же непременно другое? – задумчиво сказал папа. – Может, тебя устроит твое имя в иностранном варианте: Жан или Джон?

– Да! Джон! – мама захлопала в ладоши. – Я научу тебя метать лассо! Ты переловишь этих подлых койотов!

– Ура! Я буду ковбоем! Мама, где ты научилась метать лассо?

– Вообще-то, я не умею... Но знаю, как это делается.

– А! У тебя был роман с ковбоем! – догадался папа.

– И с целым племенем индейцев. В фильме «Всадник без головы» Видов учил барышню метать лассо. Очень доходчиво.

Папа побежал в коридор снимать бельевую веревку, и вечер действительно получился праздничным.

* * * * *

Когда утром в школьном дворе «моськи» увидели меня с веревкой, радости их не было предела: «Иванушка-дурачок

решил повеситься!» Набросить лассо на движущийся предмет я бы, конечно, не смог, но, к счастью, «моськи» остановились и с любопытством наблюдали за моими манипуляциями с веревкой. Я неторопливо раскрутил лассо над головой и набросил его на одного из своих учителей. Петля стянула его плечи, я потянул веревку к себе, и он упал, закричав: «Пусти, придурок!» Я подошел к нему, взял за шиворот и слегка встряхнул. К моему удивлению, он оказался очень легким, и я поставил его на ноги. Продолжая держать его за шиворот, я крикнул:

– Меня зовут Джон Ковбой! Всем понятно?!

Мгновения моего триумфа были испорчены, когда я понял, что ужас на лицах врагов был вызван не мной.

– Что здесь происходит? – грозно спросила появившаяся из-за моей спины учительница параллельного класса.

– Мы играем, – пискнул плененный мной моська-койот.

– Мы играем в индейцев, – подтвердили остальные.

Но грозной чужой учительнице это не понравилось и она отвела все «племя» новоиспеченных индейцев в кабинет директора.

Мы стояли, переминаясь с ноги на ногу, на красном ков-

ре возле директорского стола, а он писал, не поднимая головы, и солнце весело отсвечивало от его лысины. Наконец, он закрыл тетрадь, встал и окинул нас строгим взглядом. Это был высокий «отставник» с мохнатыми бровями и военной выправкой.

– Ну, что скажете?

Я не знал, что вопросы бывают риторическими, в ответ на которые нужно молча раскаиваться или тихо всхлипывать. Я, как зачинщик всего этого родео, решил, что вопрос задан конкретно мне. Не успев выйти из роли покорителя прерий и все еще чувствуя себя героем дикого Запада, я гордо сказал:

– Приветствую тебя, Великий Вождь!

Директору почему-то не понравился мой комплимент и он послал меня домой за родителями.

Мама с папой на следующий день посетили директорский кабинет, но меня, к сожалению, с собой не взяли. Видимо, они там здорово повеселились, потому что по школе распространился слух, будто мои родители – жизнерадостные идиоты. Больше их в школу никто не вызывал.

За мной закрепилось прозвище Большой Джон. Иваном я был только для учителей и, чтобы не дать им повод называть меня Иванушкой-дурачком, я учился почти на одни «пятерки». Папа часто мне говорил, что «почти – не считается», но я предпочитал быть «почти отличником», а не презираемым всеми зубрилой.

ГЛАВА 5

Я всегда добросовестно готовился к каждой политинформации, но политика меня совершенно не интересовала. Впервые я насторожился и понял, что происходит нечто странное, когда услышал, как по телевизору ругали дедушку Ленина. В школе вместо стихов о любви к Стране Советов стали учить стихи о любви к Украине. Витрины магазинов и окна квартир на нижних этажах изуродовали решетки.

- Почему это происходит? – спросил я папу.
- Потому, что Украина стала «самостійной».
- Какой?
- Свободной.

Я часто не мог понять, шутит папа или говорит серьезно, и подумал, что это – шутка, потому что даже ребенок знает: решетки и свобода – несовместимы. Слишком много новой информации хлынуло на меня, я нуждался в разъяснениях, а папа отшучивался. И я решил спросить у мамы:

- Правда, что Ленин – мутант?

Теперь уже мама решила, что я шучу. Но я не шутил. По телевизору умный дядя излагал теорию о том, что люди,

часто употреблявшие в пищу грибы, мутируют и становятся грибами. Потом он показал изображение Ленина на броневике и сказал: «Похоже на гриб на гнилом бревне. Не правда ли?»

Мама слушала меня, подняв брови, и мне показалось, что она не верит... Я расплакался, мама обняла меня, и я сбивчиво забормотал:

– Чему я должен верить и что я должен любить? Моя родина – Советский Союз или Украина? Почему сегодня меня хотят заставить ненавидеть то, что раньше учили любить?

Когда я выплакался, мама поцеловала меня в лоб и сказала:

– Ты мой маленький умный тигр. Ты не должен ни любить, ни ненавидеть по чьей-то указке. Ненавидеть вообще никого не нужно. Ненависть – плохое чувство, оно всегда оборачивается против того, кто его испытывает, и пожирает человека изнутри. Люби то, что тебе нравится и что ты знаешь, что можешь потрогать руками. Читай фантастику, но не читай газет.

Я перестал готовиться к политинформациям, но не замечать происходящие вокруг перемены не мог, тем более, что

они коснулись и нашей семьи. Папа уволился с завода, выпускавшего космическую технику, и пошел работать на маленькое частное предприятие, занимавшееся «декоративными покрытиями фурнитурных изделий». В ответ на мою обвинительную речь, суть которой сводилась к тому, что менять Космос на дверные ручки – стыдно, папа только махнул рукой.

– Завод все равно скоро закроют, – сказал он.

Я опять подумал, что папа шутит, и обиделся... Но вскоре в нашем холодильнике появились бананы и шоколад, и я смирился с папиным выбором. Мама тоже сменила работу. Она стряхнула с себя библиотечную пыль и отдалась своей единственной страсти – рисованию. Раньше она рисовала только дома, а теперь – и на работе.

ГЛАВА 6

С той самой ночи, которую я провел в «пещере Али Бабы» с бутылкой лимонада в руке, меня неотступно преследовали кошмары. Каждый день я доводил себя до полного изнеможения. Чтобы не ложиться спать, я придумывал все новые и новые занятия. Но сон все равно побеждал. Он подкрадывался незаметно, и, в конце концов, я засыпал то в кресле перед телевизором, то прямо на полу с мокрой тряпкой в руках.

Этот ужас продолжался уже больше двух недель. Самым страшным в мучивших меня снах была их реальность. Однажды я гулял во дворе. Было тепло и ясно. Ветер слегка покачивал гроздь сирени. По зеленому широкому газону бродила серая грязная собака с перебитой ногой и деловито обнюхивала приоткрытые погребки. Наш двор, с замечательной спортивной площадкой, огромной цветочной клумбой и раскидистыми деревьями, был украшен многочисленными цементными холмиками с железными крышками, в которых наши соседи хранили картошку. Летом владельцы проветривали свои погребки, закрывая их на «цепочку», и было видно, что под крышками они защищены еще мощными решетками. Серая собака переходила от погребка к погребу, не находя чем поживиться.

И вдруг почва вздрогнула, как от подземного взрыва. Натягивая до предела цепи, задержались крышки погребов. Завыл ветер, затрещали деревья. Со звуком выстрела лопались цепи, взлетали в воздух вырванные вместе с рамами железные крышки. Внезапно все стихло, и появились... Сначала первая. Она осторожно ощупала пространство вокруг погреба, потом как будто принюхалась и двинулась по направлению ко мне. Толстая, белая, слепая змея. Я понимал, что она ползет ко мне, но не мог пошевелиться. А змеи уже выползали и из других погребов. И эти уже не медлили, эти точно знали, где их цель. Эта скользкая холодная масса переплетенных змеиных тел надвигалась на меня, как гигантский спрут. Я закричал и проснулся.

Было уже светло. Я вышел в кухню. Мама пила кофе возле открытого окна, решетку которого скрывали розовые занавески.

– Кажется, тебя не радуют каникулы, – сказала она, глядя на мое хмурое лицо.

– Я так больше не могу, – буркнул я, плюхнувшись на табурет.

– Что на этот раз?

– Змеи...

– Не знала, что ты боишься змей.

– Мерзкие белые змеи вылезали из погребов во дворе...

– Это я виновата. Когда тебе было три года, я боялась, что ты упадешь и ударишься головой об угол железной крышки. И чтобы ты не подходил к погребам, я тебе говорила, что там живут змеи.

– Еще скажи, что ты виновата в том, что эти жлобы перекопали весь двор своими погребамии!!! В них и правда могут жить змеи!

– Зато какое богатое поле деятельности для археологов будущего!

– Ты у папы научилась превращать все в шутку?! А мне – совсем не весело! Я не знаю, что делать!

– Прежде всего, успокоиться. Успокоиться и подумать.

– Я и так думаю об этом непрерывно.

– Тогда не думай. И кофе не хлещи по вечерам.

– Я пью кофе, чтобы не уснуть.

– Но ведь ты все равно засыпаешь. Сначала ты целый день думаешь о том, что ночью увидишь нечто ужасное, потом надуваешься кофе, как Бальзак. Твоя нервная система постоянно взвинчена...

– Только не надо тащить меня к врачу!

– Никто и не собирается. Обойдемся домашними средствами. Вечером вместо кофе выпьешь молока с медом...

– Фу-у!

– Итак, сегодня ты не пьешь кофе, не смотришь телевизор и не думаешь о кошмарах.

– Я не могу не думать.

Мама некоторое время изучала кофейный осадок в своей чашке.

– Ладно... Думай. Только давай придадим твоим мыслям определенное направление.

– Куда уж определеннее!

– Сконцентрируйся на том, что кошмар – это всего лишь сон. Он не может причинить тебе вреда. Ты ведь смотришь «ужастики» по телевизору. Тебе страшно, но ты пересиливаешь свой страх и получаешь от этого удовольствие. Ты можешь сказать себе: «Мой сон – это самый крутой ужастик. Я люблю ужастики. Я хочу его посмотреть. Я не боюсь!»

– Но когда я смотрю фильм, в самый страшный момент я могу отвести взгляд от экрана. Во сне это невозможно.

– В любом сне, даже самом жутком, есть что-то хорошее, красивое. Смотри на этот предмет, не своди с него взгляда, схватись за него руками для полной уверенности и не отпусти.

– Но мама, когда человек спит, он принимает свой сон за действительность. Как только я усну, я забуду все твои наставления, и все пойдет своим чередом.

– Не забудешь... Со мной в детстве произошло что-то подобное. Только я была еще совсем маленькой, еще в школу не ходила. Меня часто мучили кошмары, и однажды вечером

я пожаловалась папе, что боюсь ложиться спать. Папа сказал, что можно очень легко избавиться от противных снов. Если начнет сниться что-то плохое, нужно сказать: «Сон, сон! Уходи к папе!» Я очень удивилась и спросила: «А как же ты? Что ты будешь делать, когда он придет?» А он только улыбнулся: «Пусть приходит, я его не боюсь». Папа подвернул мне со всех сторон одеяло, поцеловал и выключил свет. Я закрыла глаза и несколько раз повторила про себя: «Сон, сон, уходи к папе!» Потом стала думать о чем – то другом и так, незаметно, уснула. Мне снилась моя комната. Ярко горел свет, я сидела на кровати и смотрела на нечто (то ли серое облако, то ли тень), ползущее ко мне по стене. Оно как будто клубилось и меняло очертания, а когда приблизилось ко мне, в нем стало вырисовываться незнакомое мужское лицо. Я поняла, что это – Плохой Сон, подбирающийся ко мне, и произнесла твердым, спокойным голосом: «Сон! Сон! Уходи к папе!» И облако растаяло.

– И тебе больше никогда не снилось ничего страшного?

– Никогда.

ГЛАВА 7

Я скептически отнесся к маминым советам, но ничего другого придумать не мог. Не мог я и обратиться со своей проблемой к папе, мне пришлось бы выслушать лекцию о том, каким должен быть «настоящий мужчина», а мама получила бы выговор за то, что «воспитала из меня труса».

Я ждал ночи с какой-то отчаянной решимостью, мне хотелось, чтобы предстоящее мне испытание поскорее осталось позади. В постель я лег раньше обычного, но, к своему удивлению, уснуть не мог. В конце концов, мне надоело ворочаться в темноте, я поставил возле дивана стул и, пристроив на нем настольную лампу, стал лежа читать «Энциклопедический словарь». Обычно, скучные книги действовали на меня как снотворное, но этой ночью я читал страницу за страницей и даже ни разу не зевнул. Сон как будто издевался надо мной. Будильник показывал уже два часа ночи, когда мне в голову пришла бредовая идея пойти погулять. Я осторожно прошел через комнату родителей и вышел в коридор... Входной двери не было... Был черный проем – и темнота за ним.

Я понял, что наконец уснул. «Это сон, – мысленно повторил я. – Он не может причинить мне вреда». Но заста-

вить себя шагнуть в черную дыру дверного проема я не мог. Некоторое время я стоял в коридоре, вглядываясь в темноту, и ожидая, что из нее появится нечто неизъяснимо ужасное... Ничего не происходило. Я повернулся и вошел в кухню. Лунa светила в распахнутое настежь окно, решетки не было. Я вскочил на подоконник и выпрыгнул во двор. Страх отступил, я почувствовал удивительную легкость и свободу. Упав на четвереньки, я побежал по влажной траве навстречу свежему ночному ветру, жадно вдыхая незнакомые запахи... Но почему я так остро чувствую запахи? И почему я бегу на четвереньках? Я взглянул вниз и увидел волосатые когтистые лапы... Я – оборотень!

Классический сюжет. Теперь должна появиться толпа мужиков с колами и ружьями. И меня забьют, как мамонта. Нет, я не хочу. Это МОЙ сон! Здесь я устанавливаю правила. Я – не оборотень, не оборотень. Когти втянулись в пальцы, шерсть исчезла, я встал с колен и с удовольствием отряхнул грязь с ладоней. Главное – не расслабляться, чтобы кошмар не застал врасплох. Я должен сконцентрироваться: это сон и ничего плохого со мной не случится.

Я вышел из двора на улицу и огляделся по сторонам. Фонари не горели. Дома пялились на меня темными глазницами окон. По спине пробежал холодок... «Я не боюсь», – повторил я, но как-то неубедительно. Взвизгнули тормоза, из-

за поворота вылетел красный «Мерседес», въехал на тротуар и помчался прямо на меня. Я хотел броситься бежать, но, как это часто бывает во сне, ноги будто налились свинцом, и я не мог двинуться с места.

Сказочной красоты «Мерседес» неотвратимо приближался ко мне и в лунном свете он казался еще великолепно. Я собрал всю свою волю и пошел ему навстречу. «Остановись! – мысленно приказал я ему. – Остановись!» Он не остановился, но покатился медленно, как будто преодолеывая невидимую преграду. Когда он подъехал ко мне вплотную, я положил обе руки на его сияющий капот и громко произнес: «Ты не можешь мне ничего сделать!» Дальше я собирался сказать: «Потому что ты – всего лишь сон!» Но вместо этого у меня вырвалось: «Потому, что Добро – сильнее!» Едва я произнес эту фразу, раздался треск, в глаза ударила ослепительная вспышка света, и я проснулся.

ГЛАВА 8

Я лежал на своем диване, придавленный «Энциклопедическим словарем», а все пространство между диваном и противоположной стеной занимал «Мерседес». В первое мгновение я решил, что сон продолжается, но потрогав машину со всех сторон и ощутив тепло нагретого металла там, где на него из окна падали солнечные лучи, понял, что это – реальность. Я едва не задохнулся от счастья: у меня есть машина! Выбежав в кухню, я застал там только маму, папа, как правило, уезжал на работу, пока мы еще спали. Теперь ему не придется трястись в общественном транспорте!

– Мама, угадай, что у меня в комнате!

Мама сосредоточенно снимала пену с кипящего варенья.

– Пыль, – рассеянно пробормотала она.

– Нет!

– Сахар очень грязный, – пожаловалась мама, ставя на стол тарелку с пенкой.

– Мама, что у меня в комнате?

До маминого сознания, наконец, дошло, что я чему-то очень рад.

– Птица залетела?

– Нет.

– Кошка? Нет, кошка, пожалуй, через решетку не пролезет. Котенок?

– Пойдем, – я потянул ее за руку, – ты все равно не пове-
ришь, пока сама не увидишь.

Некоторое время я наслаждался видом остолбеневшей мамы. Обретя способность двигаться, она взглянула вверх, как будто проверяя, не упала ли машина через дыру в потолке, потом сняла лампу со стула и села.

– Как это здесь оказалось?

Я рассказал о событиях прошедшей ночи, и мама сдавила ладонями виски.

– Так, мне нужно выпить кофе... или валерьянки, – про-
стонала она.

Мы вернулись в кухню. Мама хватала то пакет с кофе, то пузырек с валерьянкой. Глядя на маму, я тоже разволновался. Я не мог понять, чем она так расстроена и почему не разделяет моей радости? Наконец, мама сварила кофе, накапала в него валерьянки и сделала осторожный глоток...

– А неплохо, – она глотнула еще.

Увидев, что она приходит в себя, я спросил:

– Мама, что с тобой?

– Мне страшно.

– Но почему?

– Я не могу понять, как это произошло. И если эта машина в самом деле появилась из твоего сна, не последует ли за тобой один из твоих монстров?

– Мама, ты не поняла. Не машина последовала за мной, а я вытащил ее из сна. Она подчинилась моей воле. Я все делал, как ты сказала, – схватился за единственный красивый предмет, который там был, и не отпускал. Все произошло само-собой...

– Ужас, – простонала мама.

– Мама, все хорошо. Я научился управлять своими снами...

– Это ты называешь управлять! Счастье, что ты, лентяй, не раздвинул диван прежде, чем на него лечь, а то стоял бы «Мерседес» на тебе, а не на полу.

– Да... и стул с лампой я удачно поставил... могли бы пострадать...

– Да черт с ней, с лампой!

– Мама, не волнуйся, я все понял, теперь я буду осторож-

нее.

- А что нам делать с этой злосчастной машиной?
- Ты не рада, что у нас появилась машина?
- Машина – не игрушка. На нее нужны документы.

Мама была права, но я не мог так просто отказаться от своей мечты.

– Мы продадим ее по запчастям и на вырученные деньги купим машину с документами.

– Не с нашим счастьем. А вдруг такая машина сейчас в розыске? И что мы скажем папе? Если он услышит историю про твой сон, то решит, что мы сошли с ума... или врем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.